

СЕРГЕЙ ГОВОРОВ,
ВИКТОР РОГОВСКОЙ,
ПЕТР ДЕМЕНТЬЕВ,
АЛЕКСАНДР ПЛОТНИКОВ,
ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

ГРОЗНЕНСКИЙ АЛЬПИНИЗМ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

16+

Сергей Говоров

**Грозненский альпинизм
советского периода**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Говоров С.

Грозненский альпинизм советского периода / С. Говоров —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Эта книга о ярких людях и ярких событиях, связанных с приключениями в горах Кавказа в период от конца 60-х до начала 90-х годов прошлого века, т.е. до распада СССР. Это первая попытка восстановить и сохранить в памяти некоторые славные страницы своеобразного и неповторимого явления — грозненского альпинизма советской эпохи.

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	7
Сергей Говоров. Ведь это наши горы...	8
Конец ознакомительного фрагмента.	33

*Гора – это прежде всего, понимаешь, друзья.
С которыми вместе по трудной дороге шагаешь...*
Юрий Визбор

Предисловие

Эта книга – не про альпинизм как таковой. Эта книга – про людей и про горы. Это первая попытка восстановить и сохранить память о некоторых страницах интересного, своеобразного и неповторимого явления – альпинизма, развивавшегося в Грозном в советскую эпоху.

Конечно, эта книга запоздала; она должна была появиться гораздо ранее, когда многое было свежо в умах живых. Но даже и сейчас, много лет спустя после крушения того мира, в котором мы родились и выросли, актуальность её, как представляется, не утрачена: есть дети и внуки, есть память, которую нужно сохранить.

Грозненский альпинизм занимал достаточно заметное место в системе советского альпинизма с его идентификацией как вида спорта и соответствующей атрибутикой: спортивными разрядами, званиями, соревнованиями, первенствами.

Это была не вполне безобидная игра: спортивный азарт вел порой к риску и аварийности. Но, несмотря на это, грозненские альпинисты всегда несли в своих сердцах дух свободы и стремления к чему-то неизъяснимому, что можно найти только в горах.

В добрый час. Будем помнить.

Благодарности

Создание книги было бы невозможно без огромного вклада грозненских альпинистов, предоставивших фотографии; консультации; советы; моральную, информационную и организационную поддержку. В первую очередь благодарю друзей – альпинистов, предоставивших свои воспоминания: Виктора Роговского, Петра Дементьева, Александра Масленникова, Александра Плотникова, Владимира Щербакова.

Сердечно благодарю также тех, кто внёс значительный вклад в создание книги: Алиева Арсамака, Дубровина Александра, Зенкова Геннадия, Курочкину Наталью, Логовского Валерия, Москаленко Александра, Пискунову (Беседа) Наталью, Прокопенко (Лабутину) Валентину, Рожина Ивана, Сазонова Игоря, Семикозова Евгения, Сухомлинова Сергея, Таран Ольгу, Трофимова Владимира, Уланову (Багдасарову) Валентину, Чуприна Владимира.

Сергей Говоров. Ведь это наши горы...

Как и у большинства моих друзей, встреча с горами у меня произошла случайно. Впрочем, с точки зрения эзотериков, ничто в этом мире не случайно, всё обусловлено – карма, так сказать. Начинается этот процесс, когда в неокрепшую душу первокурсника геологоразведочного факультета змеёй вползает некая ядовитая субстанция (иногда её определяют скучно-ироничным термином «романтика», хотя это никак не соответствует её сути), которая впоследствии отравляет всю его жизнь смутным желанием чего-то необычного.

Вползает помалу и незаметно: вот на доске объявлений деканата в самом низу маленький листок с расписанием смен альплагерей Советского Союза; вот возле кафедры общей геологии какой-то юморист прилепил инструкцию по отращиванию бород с пометкой «для студентов, выезжающих на практику по геокартированию¹»; вот напротив деканата повесили стенгазету «Альпинист» с фотоотчётом о соревнованиях по скалолазанию в Харачое и на Терском хребте со стихами Визбора: «и нет таких причин, чтоб не вступать в игру...». А и в самом деле, подумалось – почему бы и не вступить?

Так я и стал членом секции альпинизма ДСО «Буревестник», руководили которой в те времена Елена Николаева и Игорь Бородацкий.

Первый поход – в Таргимскую котловину в горной Ингушетии. Море эмоций для равнинного жителя, никогда не видевшего гор, горных рек, древних башен, могильников. Потрясающее впечатление производит башенный комплекс Вовнушки. Потом – поход на озеро Кезеной-Ам в горной Чечне.

И вот весной 1970 года восхождение на вершину Мальчоч-Корт в Кистинском ущелье и значок «Альпинист СССР».

Ночуем в пещере под камнем на первом коше. Дождь, холод. Ещё до рассвета – выход. Ведёт нас Игорь Бородацкий. Несколько часов тяжёлого подъёма – и вот вершина. На ней триангуляционный пункт, на нём – металлическая статуэтка Ленина, смотрящего в сторону Грузии. Непорядок. Разворачиваем Ильича в сторону Чечено-Ингушетии и, удовлетворённые свершением, начинаем спуск.

Вообще-то про Кистинское ущелье надо отдельно сказать несколько слов.

Кистинка. Нижняя часть ущелья расположена напротив так называемого замка царицы Тамары в Дарьяльском ущелье, возле слияния речки Кистинки и Терека, где расположена небольшая ГЭС. На скале воле ущелья – памятная надпись о том, что именно на этот склон Киса Воробьянинов вознёс украденную у разъярённого Остапа колбасу. Возле ГЭС на Военно-Грузинской дороге когда-то стояла скульптура альпиниста с ледорубом, мужественно взиравшего вверх по Кистинскому ущелью, но к началу семидесятых годов от скульптуры остался только постамент.

До истоков реки Кистинки можно при известном напряжении дойти с рюкзаком за день; но обычно на это уходило два дня, считая день приезда из Грозного. Если не удавалось добраться за день, промежуточную ночёвку устраивали на так называемой Земляничной поляне, а уже на второй день приносили наши гигантские рюкзаки до базового лагеря на морене ледника Кибеши.

Самое неприятное – подход к месту базового лагеря. У рюкзака, как известно, бывает только два состояния – либо он тяжёлый, либо его нет. На подходе, само собой, имеет место первое.

¹ Геологическое картирование (составление геологической карты)

Подход – это самое отвратительное из всего, что есть в альпинизме. Подход – это когда нужно доволочь до подножия горы всё необходимое для организации бивака и последующего прохождения маршрута. На маршруте, где начинается собственно альпинизм, может быть трудно, опасно, порой очень трудно и очень опасно; но так тоскливо, как на подходе, не бывает никогда.

Многочасовая ходьба под рюкзаком – большое искусство. Существует множество хитростей в том, как поставить ногу, «подложив» под каблук камешек; как обнести её вокруг камня – не сгибая в колене, чтобы не тратить на это драгоценные калории.

С. Говоров на скальном гребне

Альпинисты не бывают атлетами – гору мускулов таскать по горам невозможно. Нет гипертрофии отдельных групп мышц, поскольку надо делать естественные движения: идти, лезть, переносить тяжести. Характерный облик альпиниста – худощавость; эластичные, плоские как ремни мышцы. Альпинисты узнают друг друга на городской улице: походка, облик, взгляд, речь – просто чувствуешь, что этого человека можно представить идущим десять часов под двадцатикилограммовым рюкзаком. Или, наоборот, стоящим неподвижно на страховке: взгляд прикован к напарнику, обрабатывающему сложный участок маршрута; тело и нервы упруги и готовы к рывку. Ледяная талая вода по верёвке втекает в левый рукав и вытекает из правой штанины. И так часов шесть, и нельзя отвлечься.

Смотришь в толпу и видишь: вот этот так смог бы. А этот – нипочём.

В верховьях ущелья расположено ледовое плато так называемого Грузинского угла, амфитеатром окаймлённое с трех сторон несколькими скальными вершинами. Четвёртая сторона открыта; в эту сторону из ледовой чаши в сторону Казбека свешивается язык ледника. Это плато работает генератором льда: вбирает в себя снег, солнцем и гравитацией преобразует его в фирн, а затем в пластичный глетчерный лёд, который питает медленно сползающий в

долину ледник, нижняя часть которого сильно разорвана (по альпинистской терминологии это называется ледопад). С языка ледника стекает вниз по ущелью река Кистинка, даже по высокогорным меркам удивительно чистая и прозрачная.

Место это в те годы было весьма популярно у альпинистов – взобраться на ледовое плато непросто; но, взобравшись, можно довольно быстро пройти несколько маршрутов, добавив новые клеточки в таблицу своего спортивного роста. Окружающие плато вершины вполне по альпинистским меркам доступны, за исключением самой крайней западной, Дзенеладзе, имеющей несколько скандальную репутацию. На неё ходили редко.

Базовый лагерь мы обычно устраивали на так называемых нижних ночёвках Алёши Джапаридзе; они же «Хрустальные ночёвки» (называемые так из-за расположенной рядом пещеры, в которой можно было наколупать довольно приличные друзы горного хрусталя).

Если отвлечься от ошеломляющих красот природы, то с точки зрения альпинизма место это отличается изрядным коварством по нескольким причинам.

Во-первых, ледопад в нижней части ледника практически непроходим. Дело в том, что, сколь ни странным это может показаться для взгляда со стороны на столь нелогичное занятие как альпинизм, в альпинистском лексиконе есть термин – «логичность» маршрута. Практически это означает, что путь подъёма на вершину может быть сколь угодно сложен, но он обязательно должен быть логичным, то есть выглядеть наиболее естественным, коли уж приспичило влезть на гору именно с этой стороны, таковы правила игры. Иначе всё это занятие было бы уж совсем глупым. Несмотря на кажущуюся условность этого термина, на практике логичность пути подъёма на гору при взгляде на неё воспринимается с полной очевидностью.

Так вот, подъём на плато через ледопад чрезмерно сложен, нелогичен и опасен; никому и в голову не приходит туда соваться. Единственный логичный путь на плато проходит через «горло» – узкий промежуток между скалами и ледопадом. Склон в этом месте довольно крутой и заполнен натёчным льдом, который в отличие от глетчерного льда твёрд и хрупок, как бутылочное стекло. Ступени в нём вырубить невозможно – скалывается линзами; кошки на нём не держат – твёрдый; крюк завернуть не удаётся – сперва крюк не лезет, а потом лёд раскалывается. Так вот, первое коварство этого места состоит в том, что в те дни, когда «горло» заполнено снегом, пройти здесь можно просто пешком, вытаптывая в снегу ступени; а если снега нет, можно и не пройти вообще, если не подготовиться заранее к сложному ледовому участку.

Сворачиваем лагерь на плато Кича. Прощальный взгляд на Казбек

Во-вторых, само плато по форме являет собой нечто вроде параболической спутниковой тарелки, фокусирующей солнечные лучи. В ясный день здесь ощущаешь себя как на сковородке, хотя вокруг снег и лёд – стоит зазеваться, и незащищённые одеждой части тела обгорают за несколько минут: солнечная радиация, не отфильтрованная разрежённой атмосферой, лупит и сверху, и снизу. Глетчерная мазь не помогает, спасают только перчатки и марлевые маски вроде паранджи, с дырками для глаз, точнее, для очков: тёмные стеклянные (обязательно стеклянные, пластик пропускает ультрафиолет) очки тут вообще нельзя снимать ни на минуту. Был случай, когда одна из наших дам не вовремя спохватилась, получила серьёзные ожоги лица и на время ослепла; дело кончилось полномасштабной спасаловкой².

Третье коварство этих мест имеет геологическую природу. Этот горный массив сложен метаморфическими породами юрского возраста: слоистыми сланцами и филлитами³. Они ненадёжны как опора – неожиданно рассыпаются под руками и ногами; на них трудно организовать страховку – раскалываются по слоям при попытке забить скальный крюк; острыми краями плиток режут верёвки, одежду и обувь. Альпинисты не любят такие скалы: намного приятнее идти по прочному граниту, где и забиваемый крюк «поёт», и душа.

В течение долгого времени мы не сталкивались с ещё одним – четвёртым – коварством этого ледового плато, знакомого нам, как улицы родного города: закрытыми трещинами на леднике.

Замыслили мы как-то пройти траверс (пересечение по гребню) всех вершин скального амфитеатра. Вышли ввосьмером – четыре связки, две палатки; для траверса такой состав группы нормальный. Поднялись через «горло» на плато, дело к вечеру, побрели искать место для палаток, где не так донимал бы пронизывающий ветер. Связаться, само собой, и в голову не пришло в этом хоженом-перехоженном нами месте. Вообще-то идти без связок по закрытому

² Спасательные работы в горах

³ Глинистый сланец

(заснеженному) леднику – безумие, это запрещено; но мы себя чувствовали здесь как дома; да и сознание было слегка затуманено гипоксией. Спихнулись только тогда, когда поставили одну палатку и стали вспоминать, в чьём рюкзаке вторая. Спустил какое-то время до нас стало доходить, что одного из нас нет – Анатолия Базилевского. Единственная для человека возможность исчезнуть на стерильно белой почти ровной поверхности не сразу пришла в голову. Когда пришла, бросились (если этим словом можно обозначить движение усталых людей в глубоком снегу на высоте более четырёх километров) назад по цепочке следов и вскоре увидели небольшое отверстие в снегу. Дырка была тёмная, глубокая, страшная, загибавшаяся вбок; ничего там не было видно.

Последующий кошмар не хочется вспоминать. Когда прошёл приступ отчаяния от нелепости случившегося, стали действовать. Первым в трещину спустился Володя Трофимов, долго пытался пробраться в полной темноте к Анатолию. Толик улетел метров на пятьдесят: верёвку-сороковку для спуска к нему пришлось надвязывать; его вбило в узкую трещину как гвоздь, и подобраться к нему было невозможно (впрочем, именно узость трещины и спасла его: трение о стенки не позволило падать очень быстро); он был в шоке и почти не реагировал на окружающее. Удалось зацепить Толика веревкой, потянули, но положение стало ещё хуже: он перевернулся вниз головой и стал совсем неконтактным. Быстро темнело. Когда Володя вымотался окончательно, в трещину спустился наш тренер Игорь Бородацкий. Через несколько часов, уже глубокой ночью, после нескольких неудачных попыток ему удалось-таки пристегнуть к обвязке Толика карабин⁴. Дёрнули и вытащили репку. До рассвета просидели вокруг лежащего в полубессознательном состоянии Толика восьмером в одной палатке (рюкзак со второй палаткой остался в трещине), на рассвете пошли вниз. Всё кончилось относительно благополучно, не считая серьёзных обморожений.

Если смотреть из ущелья вверх на плато, крайняя справа вершина – Рустави. Крайняя слева в скальной подкове вершина Дзенеладзе в альпинистских кругах считалась аномальной: что-то с ней было неладно; какие-то Бермуды локального масштаба. Возможно, некая мистичность этого места имела тектоническую природу: толща юрских пород здесь по разлому прорвана магматическими внедрениями; встречаются пещеры с крупными друзами хрусталя. Давно замечено, что с районами активной геотектоники связаны некие странности, иногда труднообъяснимые на рациональном уровне.

На этой горе почти всегда присутствовала непогода; несмотря на относительную несложность (с альпинистской точки зрения, разумеется) маршрута, большинство попыток подняться на эту гору заканчивались неудачей по разным причинам. На горе было много несчастных случаев с альпинистами. Есть данные, что в своё время она называлась пик Бери, и этот факт придавал мрачноватый оттенок и без того скверной репутации вершины. Мне лично удалось на неё подняться с седьмой попытки.

Этот день запомнился хорошо. Предпоследняя попытка была предпринята нами накануне; мы даже вышли на «плечо»: залитую натёчным льдом скальную мульду, и начали было подниматься по предвершинному гребню, но гора нас с собой попросту сдула – бешеный ледяной ветер, снег с градом; пришлось отступить к «Хрустальным ночёвкам».

Погода и в этот раз, само собой, была отвратительная; но всё же пока можно было двигаться. Шли мы в связке втроём; это неудобно, так сейчас не ходят, но другого выхода не было, так как наш четвёртый товарищ приболел. После нескольких часов подъёма с «плеча» по гребню, обойдя очередную стоящую на ребре филлитовую плиту – она тут в таком шатком положении простояла лет эдак миллионов пять, со времени последней фазы активной альпийской складчатости – обнаружили, что дальше идти некуда. Мы немного удивились этому обсто-

⁴ Элемент альпинистского снаряжения: металлическое кольцо с защёлкой для соединения верёвки со страховочной обвязкой

ятельству: как это вдруг такая капризная гора нас к себе допустила, вытащили из вершинного тура⁵ записку, исписанную грузинскими крючками, и, отплёвываясь от секущей лицо снежной крупы, заторопились вниз, опрометчиво полагая дело сделанным.

Напрасно мы так полагали. Это была ловушка.

При спуске на «плечо» надо было пересечь небольшой снежный жёлоб, выглядевший вполне безобидно. На всякий случай решили подстраховаться. Лёша Луконенко взял ледоруб на изготовку, сделал шаг – и в следующий миг уже стремительно летел вниз по жёлобу, который только казался снежным: снегу оказалось два сантиметра, а под ним гладкий как стекло натёчный лёд. Ф-Р-Р-Р-РАППП! – проехавшись по острым рёбрам сланцевых плиток, лопнула оплётка верёвки, и Лёша повис на нескольких капроновых нитях. В эти доли мгновения я успел подумать, что схожу с ума: огромный скальный выступ, за который была заложена верёвка, сдвинулся и медленно пополз на меня – от рывка верёвки сломался хрупкий сланец. Третий в связке – Валера Логовской, стоявший на полметра ниже, упёрся в меня головой, чтобы помочь удержаться.

Малейшее шевеление могло вывести систему из шаткого равновесия. Метель мигом улеглась, и лукавая гора глумливо наблюдала за происходящим – ну что, мол, взяли?

Я осторожно повернул голову и посмотрел на Лёшу, потом дальше вниз на «плечо», потом ещё ниже – на ледник. По вертикали метров семьсот. Меня затошнило.

То, что коварная гора собиралась прихлопнуть нас как мух, на этом склоне – несомненно. Никаких причин уцелеть у нас не было, кроме одной: Там, Наверху, рассудили, что ещё не время, и укротили свирепый нрав горы.

Алексей осторожно приподнялся на кошках, ослабив нагрузку верёвки, и этой секунды нам хватило, чтобы сменить точку страховки.

Остальное было делом техники. Верёвку в месте обрыва завязали узлом. Извлечённый из небытия Лёша набросился было на нас с упрёками, но мы ему молча показали, на чём он держался, и наш обычно язвительный друг тут же присмирел.

Этот кусок верёвки долго потом висел у него дома на стене.

Но эти все приключения, разумеется, были редкостью, обычно все наши альпиниады⁶ в Кистинке проходили вполне благополучно.

Надо сказать, наши весенние и осенние восхождения в Кистике дали нам многие навыки, которых не было у тех, кто занимался альпинизмом только в альплагерях. Помнится, однажды перед восхождением на Тютюбаши по маршруту 5А (выходили мы из альплагеря Уллутау) нам пришлось заночевать на леднике под стеной. Для нас дело привычное: мы спокойно стали готовиться к ночёвке на снегу: вытоптали площадку, выложили её сланцевыми плитками, застелили полиэтиленом от влаги, выстроили стенку из снежных кирпичей с наветренной стороны... Ребята из альплагеря смотрели на нас с изумлением: потом признались, что первый раз ночуют на снегу.

В Кистинке мы проводили не только альпиниады, но и соревнования по скалолазанию: вблизи дороги, разумеется, не поднимаясь вверх по ущелью.

Дигория. Кистинка была основным, но не единственным местом наших альпиниад, которые проводились во времена советских праздников в ноябре, в марте и в мае.

Несколько праздничных дней, плюс выходные, плюс правдами и неправдами выцарапанные отгулы или отпуска за свой счёт – набиралось достаточно времени для пары-тройки хороших гор. Выезжали мы также в ущелья Мидограбин и Дигория в Осетии.

⁵ Пирамидка из камней на вершине

⁶ Массовое альпинистское мероприятие

Горный район Дигория находится в западной части республики Северная Осетия. В месте слияния рек Харес и Танадон находится большая поляна Таймази. К югу над поляной высится цирк ледника Таймази, ограниченный гребнями одноимённых вершин Главного Кавказского хребта. Выше по ущелью на высоте 3000 метров раскинулась обширная поляна Нахашбита, на которой обычно размещались базовые лагеря альпинистов при восхождении на вершины центральной части Суганского хребта.

В Дигории грозненскими альпинистами было совершено немало очень интересных восхождений.

Последний раз мне удалось побывать в Дигории весной 1982 года, в год первого, совершенно феерического, восхождения советских альпинистов на Эверест.

В целом в тот раз наше мероприятие в Дигории прошло неудачно, погода не способствовала успеху восхождений. К тому же возникли бюрократические сложности: нам не хватало одного тренера для минимального набора должностных лиц альпинистского мероприятия. Мы с Валерой Логовским помчались на УАЗике в ночь в Грозный, чтобы найти недостающую штатную единицу. Ночная поездка после дневного выхода была мучительна, глаза слипались. На трассе нарвались на классическую засаду: на асфальте в свете фар лежали распостёртые женские тела. У нас спросонья хватило ума их объехать. Убедившись, что подстава не сработала, «пострадавшие» с криком пытались нас остановить, бросаясь на капот. Еле удрали.

Дигория, после спуска с Галдора: Логовской, Говоров С., Недюжнев, Курочкин, Луконенко

В Грозном я оббегал весь город в поисках недостающего инструктора; все отказывались под разными предлогами. Легко согласился Саша Курочкин, и мы с ним на рейсовых автобусах отправились обратно. В Чиколе заглянули в книжный магазин. Если кто помнит – это были времена тотального книжного дефицита, но сельские районы снабжались хорошо, и у нас глаза разбежались. Набили рюкзаки книгами. Помню, я купил среди прочего четырёхтомник «Войны и мира». Такие были времена...

Последний отрезок пути брели под дождём по дороге пешком, попутного транспорта не было. Возле Стур-Дигоры встретили идущую навстречу машину с нашими – альпини-

аду свернули из-за полного обвала погоды. Но мою палатку оставили на поляне, пришлось тащиться дальше. Саша молодец, меня не бросил, пошёл со мной. Добрели до нашей стоянки на поляне Таймази. Мокрые, замёрзшие, усталые; поляна залита водой, палатка в луже, темно, холодно, дождь, ветер. Тоска. Побрели уныло вверх на базу ростовских альпинистов попроситься погреться. А там... Свет, камин, тепло, уют, горячий чай. Приняли как родных. Раскочегарили сауну. Парились всю ночь, прыгали прямо с порога сауны в хрустальный ручей. Кто-то сказал, что Балыбердин и Мысловский взошли на Эверест. Стало ещё радостнее. Может быть, это была лучшая ночь в моей жизни. Кто знает...

Но, конечно же, основная альпинистская подготовка и наиболее серьёзные восхождения совершались в альплагерях.

Альплагеря. Советский альпинизм был своеобразным явлением, существенно отличавшимся от его западного аналога и возникшим, вероятно, на фоне ограниченных возможностей самореализации человека в рамках системы. По контрасту с серостью будней ослепительный мир гор – сияющие вершины, яркая природа, реальные приключения и опасности, острые эмоции, ореол романтики, широкий круг общения, в том числе с иностранцами – всё это производило на выпавшего из рутины бытия человека неизгладимое впечатление, и ему хотелось вновь окунуться в этот мир, так разительно отличавшийся от окружающей его повседневности.

Как часть системы, альпинизм был централизован и приведён в соответствие с ней – стройная методика подготовки, чёткая классификация маршрутов, унификация разрядов и спортивного роста, сеть альплагерей, секций и клубов – разрушение этого своеобразного мира не может не вызывать сожаления. С другой стороны, очевидны и недостатки той системы – формализм и бюрократия, множество запретов и ограничений, порой бессмысленных.

Встречался в альплагерях и некий намёк на дедовщину, которая, впрочем, проявлялась в достаточно безобидной и несколько ироничной форме – ввиду отсутствия питательной среды для этого явления и некоторой элитарности контингента. Страдающими субъектами в этом отношении выступали стажёры, прибывшие в альплагерь после окончания школы инструкторов, и до присвоения инструкторского звания работающие с участниками (или, как сейчас стали говорить на западный манер, с «клиентами») под присмотром опытных тренеров.

Реализовывалось данное явление в необходимости пройти по окончании стажировки несложный ритуал посвящения в инструктора (сопряжённый, правда, с маканием в ледяную воду) да в том, что на безответных стажёров при случае стремились спихнуть всякую неприятную работу, которую кому-то делать всё-таки надо. Например, приходилось откапывать заваленный лавиной лагерный водозабор под ледником. А ещё пришлось как-то гнать корову на заклятие: казалось бы, чего проще – возьми палку и вперёд. Выяснилось, однако, что скотина понимала, что её ждёт, и отчаянно сопротивлялась. Смотреть ей в глаза было тяжело. Чтобы поменьше вляпываться в такие дела, приходилось быть бдительным и пореже попадаться на глаза тренерскому составу лагеря, что не всегда удавалось.

Однажды, в период моего пребывания в стажёрах, мы с лагерным врачом за обедом затеяли интереснейшую дискуссию о высотной границе проявления симптомов горной болезни в различных климатических зонах, и я вышел из столовой одним из последних. На плацу перед административным зданием было пусто.

В административном здании размещались главные сакральные элементы альпинистского лагеря: столовая, учебная часть, актовый зал и несколько учебных классов. Широкие бетонные ступени спускались от здания на бетонный плац, где происходили важнейшие события лагерной жизни альплагеря – утренние разводы, встречи вернувшихся с горы и прочее. На ступенях располагались телескоп на штативе для наблюдения за восходителями на окружающих лагерь вершинах и немислимой конфигурации коряга, отдалённо напоминавшая ископаемого динозавра. От плаца до речки простиралась очень красивая зелёная лужайка, в альпинистских

кругах знаменитая не менее чем лужайка перед Белым Домом. Для этого были основания: взрастить идеально ровный газон на безжизненных камнях удалось ценой многолетних усилий – снизу в рюкзаках натаскали дёрн, аккуратно его разложили; травку регулярно поливали и стригли.

Итак, плац был пуст. Стерильный горный воздух, бездонная синева неба, сияние снежных вершин... Запах нагретой солнцем хвои и сосновой смолы... На зелёной лужайке идиллически пощипывала муравушку беленькая козочка лагерного завхоза. Расслабившись, я потерял бдительность и совершил безрассудный для стажёра поступок – присел на вытертый штанами поколений альпинистов огромный ствол какого-то давно вымершего дерева, неведомо кем и, главное, неведомо как сюда втащенный. Солнышко припекало, меня разморило.

«И дик и чуден был вокруг весь божий мир...»

Из столовой, слегка покачиваясь после плотного обеда, вышел гордый дух в лице инструктора Кима Кириллыча – легенды альплагеря Уллутау, работавшего в нём едва ли не со дня основания. Я втянул голову в плечи, мгновенно засох, поменял окрас эпидермиса и прикинулся сучком на стволе. Ким Кириллыч постоял на солнцепёке, с неизбывной тоской старожилы презрительным окинул оком. И тут ему в прицел попала козочка. Взгляд легенды оживился; в нём забрезжила некая мысль. Ким Кириллыч приосанился и рывкнул вверх по ущелью, в сторону Сванетии: «Стажёры-ы-ы!!!»

– Ы-Ы-Ы-Ы! – заметалось между склонами ущелья эхо и испуганно спряталось в соснах. С перевала Гарваш обрушилась лавина, взметнув облако снежной пыли. Коза заблелая и высыпала на лужайку коричневые шарики.

Снежная пыль улеглась. Плац был пуст. Раскалённый воздух мерцал над бетоном.

Ким Кириллыч с полуоткрытым от изумления ртом посмотрел налево, направо. Видно было, что он потрясён тем, что стажёры тут же не возникли перед ним, всхрапывая от нетерпения, роняя пену с удил и роя бетон горными ботинками от энтузиазма.

– Где же стажёры?! – растерянно спросил Ким Кириллыч окрестные вершины. Горы безмолвствовали.

И тут его взгляд пал на меня. Глаза его хищно вспыхнули.

– ААААА!!! – вскричал легенда лагеря и замолк, на несколько секунд потеряв дар речи от негодования – А!!! Стажёр!!! Пач-ч-чему животные на лужайке?!

Я понял, что мимикрия не удалась, обречённо вздохнул и пошёл навстречу судьбе. То есть козе.

Люди в альплагере такие же, как и везде, то есть разные – молодые и пожилые, худые и не очень, умные и не вполне. Но в каждом присутствует некая подтянутость, спортивность, что ли. После альплагеря городская улица кажется скоплением калек.

После прибытия в лагерь участников они должны сдать нормативы физической подготовки: подтянуться на перекладине двенадцать раз, присесть на одной ноге двадцать пять раз, пройти по бревну (тест на вестибулярный аппарат), потом ещё отжимание, пресс. Во время сдачи нормативов Ким Кириллыч настойчиво порывался помочь взобраться на перекладину невысокой девушке, которая слабо отбивалась: «Не надо! У меня от этого сознание раздваивается!».

Потом начинается цикл занятий на камнях, траве, скалах, льду, снегу, переправы... Медицина, связь... Новичкам, вполне взрослым людям, приходится осваивать многие элементарные вещи; например, завязывать шнурки на ботинках: запутавшись кошками в плохо завязанных шнурках, можно получить крупные неприятности. Потом восхождения по маршрутам различной категории сложности – в зависимости от квалификации клиентов.

Первое лето после поступления в Грозненский нефтяной институт – альплагерь Цей, где инструктором у меня была Эльвира Сергеевна Шатаева – яркий, незаурядный человек. Спустя

несколько лет возглавляемая Эльвирой женская команда погибла при спуске с пика Ленина из-за жестокой непогоды. Тяжело было об этом узнать.

В альплагере Цей мы познакомились и с её мужем Владимиром Шатаевым, впоследствии государственным тренером СССР по альпинизму, главным тренером сборных команд СССР (затем России) по альпинизму. Потом восхождения на пики Цейхох, Николаева, Шульгина, Кальпер... Первое прикосновение к настоящему альпинизму запомнилось навсегда. Третий спортивный разряд по альпинизму – мечта сбылась!

Альплагерь Адьлсу запомнился участием в спасательных работах и получением жетона «Спасательный отряд».

Так сложились обстоятельства, что именно в нашу смену должны были проводиться соревнования спасательных отрядов Эльбрусского района. Тренировались мы самозабвенно, недели две упорно вязали узлы, отработывали теорию, медицину, транспортировку пострадавшего по различным формам горного рельефа и по воздуху, подъём его и спуск различными способами; всё это с использованием как специального снаряжения, так и подручных средств.

В команде должно было быть шесть человек, а тренировались на всякий случай восемь: выбрать выходящих на старт предстояло по гамбургскому счёту; а поучаствовать хотелось всем, и мы изнуряли себя тренировками с утра до вечера. Накануне дня соревнований объявили состав членов команды – меня включили. Чувства описать трудно

Ранним утром в день соревнований меня разбудили довольно грубым толчком:

– Вставай, быстро. Выходим на спасаловку. Соревнования отменяются. В третьем отделении мужик улетел. Соображай быстрее. На сборы десять минут. Поисковую группу забросили вертолётном. Мы в транспортировочной группе. Быстрее.

Пока мы бежали по тропе к КСП (контрольно-спасательному пункту), на ходу выяснили ситуацию. Одного из участников третьего отделения на разборе предыдущего восхождения инструктор упрекнул в робости. На следующем восхождении на пик МНР мужик в стремлении реабилитироваться стал рисковать необоснованно; сегодня утром сорвался с гребня и улетел вниз по ледовому кулуару⁷.

Ключ от чулана со спасательным фондом куда-то запропастился, и начспас⁸ снёс навесной замок ледорубом. Навьючив на себя акью – разборные горные носилки – и другое снаряжение для транспортировки пострадавшего, мы как могли быстро стали подниматься по склону, продираясь через колючий кустарник. Мой напарник забыл в лагере каску и шипел от боли, когда колючки втыкались ему в лысину. Когда мы выбрались из кустарника, он был похож на плохо побритого ежа. Ничего нет хуже спасаловки, когда люди бегут без оглядки на опасность; бегут, срывая сердца; бегут, пока есть надежда.

После нескольких часов изматывающего тело и душу подъёма идущий впереди командир отряда остановился, держа рацию возле уха, и поднял руку: стоп.

– Нашли, – сказал он, когда мы собрались возле него.

– Живой?

– Где там. Восемьсот метров по шероховатому льду. Наполовину стёрся, пока долетел.

Акью и другие теперь уже лишние тяжести мы оставили на тропе, взяли только разборный дюралевый шест с наплечниками на обоих концах. Живого человека на нём нести невозможно, разве что только с душевной травмой; а для такого случая в самый раз. Когда мы подошли к подножию кулуара, погибшего уже завернули в перкаль⁹ и обвязали репшнурами. Командир третьего отделения сидел рядом с ним и смотрел... трудно описать, как он смотрел. Тело при-

⁷ Скальный, снежный или ледовый жёлоб на склоне горы

⁸ Начальник спасательной службы

⁹ Плотная ткань, в альпинизме используется для изготовления палаток и плащей

торочили к шесту и, сменяясь, понесли вниз. Солнце палило нещадно, ботинки погибшего больно упирались мне в спину.

До лагеря добрались к вечеру. За ужином в столовой странно было смотреть на пустое место за столом, где ещё позавчера сидел и балагурил человек. Ребята из его отделения сидели, опустив глаза.

Из-за того, что команда нашего альплагеря в полном составе участвовала в спасательных работах, соревнования отложили на день. Наутро после вчерашней спасаловки мы вышли на старт на Джантуганском скалодроме. Адреналин вчерашнего дня ещё кипел в крови; работали, понимая друг друга с полувзгляда. Мы прошли трассу быстрее всех и заняли первое место среди спасательных отрядов Эльбрусского района.

Я занимался одним из тех немногих дел, которыми можно заниматься бесконечно – сидя на берегу «бешеной речки Адьлсу», как её назвал поэт Николай Тихонов, смотрел на поток воды, рвущейся через камни вниз, в долину. Не отрывая глаз от воды, вытащил из кармана квадратную мельхиоровую пластинку, покрытую с одной стороны цветной эмалью. Очень красиво – двуглавая Ушба в лучах восходящего солнца и надпись: «Спасательный отряд». Жетоны нам вручили вчера в альплагере Шхельда вместе с золотистыми повседневными дубликатами, грамотами, красными книжечками-удостоверениями; в очень торжественной обстановке перед строем спасателей Эльбрусского района, после долгих речей и поздравлений. Жетоны мы все шестеро сложили в одну кружку, залили их спиртом из обшитой войлоком фляги капитана команды и сделали по глотку. После крутого спирта металл жетонов, по-моему, слегка потускнел. Фляжку потом, само собой, довели до ума. Я повернул жетон – на реверсе был выбит номер: 1847. Я стал членом всесоюзного спасательного отряда. Жетон восемнадцать сорок семь.

Я взвесил жетон на ладони, широко размахнулся и-и-и-и-и – сам себя схватил за руку, чтобы не зашвырнуть его в воду. Сунул обратно в карман и, от греха подальше, зашагал прочь от реки.

Ослепительные вершины сияли вокруг. Яркие и стремительные, как вода горной реки события мчали нас дальше и вперёд. Мир вокруг был свеж и прекрасен, сверкал и переливался всеми своими гранями, как кристалл. Но стоит ли это всё жизни человека? Кто бы мне хотя бы сейчас дал ответ...

Альплагерь Безенги. Самый крутой из советских альплагерей на Кавказе, в самом высокогорном районе, самый спортивный... Ну, в общем, самый-самый.

Ярким воспоминанием о двух сезонах в альплагере Безенги стала встреча с колоритной личностью – инструктором из Пятигорска Якубовичем Валентином Валентиновичем, который был командиром нашего отряда; все в лагере называли его Тин Тиныч. Этому человеку было свойственно то качество, которое сейчас называют харизмой.

Сперва он как-то нас невзлюбил и стал испытывать на прочность. На первом выходе в так называемый «Тёплый Угол» после тяжёлого перехода погнал нас обратно в лагерь для замены неисправных раций. Мы молча (как говорится, скрипя зубами) сделали обратный рейс, пока остальные отделения отдыхали перед восхождениями. Затем мы почти без отдыха вышли на траверс пиков Дружба-Гидан 4Б категории сложности; и на траверсе (со злости, вероятно) умудрились на полдня обогнать группу, вышедшую на траверс на сутки раньше нас. Траверс – это пересечение двух и более вершин по соединяющему их гребню; это не дорога, где можно нажать на газ и обогнать. Ребята по ошибке закопались на самом гребне, а мы проскочили мимо них по полке чуть ниже. Тин Тиныч не сказал ни слова, но как-то стал с нами мягче.

Потом был выход в ущелье Думала.

Палатки мы поставили на морене ледника на идиллической полянке, покрытой изумрудной травкой с крокусами «привет из Америки», называемыми так за сходство с торчащей из-под земли фигой.

Ночью пошёл дождь. Ну, дождь и дождь, эка невидаль, спим дальше. Потом проснулись оттого, что шум дождя стал подозрительно громким; и к его шуму примешивался какой-то стук, переходящий в равномерный грохот. Когда стало светать, выяснилось, что лежим в воде; пришлось выбираться из палатки. Открывшийся нашим взорам пейзаж впечатлял. Изумрудная полянка превратилась в озеро; в двух шагах от наших палаток не иначе как вмешательством сил небесных остановился сошедший ночью сель – огромный холм из перемешанных с грязью многотонных глыб...

Грозненцы в Безенги: Луконенко, Недюжнев, Курочкин

В ущелье Думала нам удалось за несколько часов пройти маршрут 4Б категории на пик Канкошева.

С бивака на поляне мы вышли в четыре утра, и почти сразу поняли, что поторопились с ранним выходом. Поняли, когда спросонья в темноте при спуске на ледник влезли в узкий осыпной¹⁰ кулуар – глубокий, очень крутой каньон шириной метров десять, промытый потоками талой воды в боковой морене. Циклопическое сооружение, скучно называемое ныне живущими «боковой мореной», было сотворено пару тысяч лет назад юным могучим ледником из разнокалиберных обломков окрестных гор, обильно пересыпанных мелкой сланцевой дресвой. Из-за неё в сухую погоду в кулуаре пыльно, в мокрую грязно, а в темноте просто мерзко: круто, ничего не видно, под руками и ногами всё осыпается. Того и гляди задетый два шага назад камень, подумав, догонит и хлопнет тебя же по пальцам либо по затылку, что нежелательно, ибо наши пластмассовые каски, именуемые «мыльницами» за соответствующую прочность и удалую расцветку, защищают только от придинок начспаса, потому как без них не положено. Выйти бы нам на полчаса позже, уже бы посветлело пространство вокруг. Темнота в горах совсем не та, что на равнине; здесь она действительно вокруг – внизу, под ногами, тоже она, темнота. Здесь вам не равнина, здесь климат иной.

Вылезать из кулуара наверх было уже не проще, чем продолжать спуск, да и до ледника оставалось немного – поток воды в его недрах урчал где-то рядом под нами. Наконец ощупью мы спустились на тело ледника и стали пробираться среди мерцающих в наметившемся рассвете нагромождений из глетчерного льда и каменных глыб. Ближе к середине ледника его поверхность стала ровнее. Ледник, придавленный темнотой, лежал на боку, как огромная рыба, и слегка флюоресцировал в лунном свете. Во сне ледник кряхтел, потрескивал и медленно, незаметно для суетного взгляда человека сползал в долину. Срединная морена ледника была прелесть: чистая и сухая, она покрывала его выпуклую поверхность чешуёй плоских сланцевых плиток. Стремительно светлело, и уже проявился на фоне неба похожий на хребет стегозавра гребень, по которому нам предстояло подниматься на вершину.

Под скалами гребня мы вытащили из рюкзаков веревку и всё к ней полагающееся, связались и полезли наверх. Круто, но пока несложно. Работали молча, изредка только: «выдай», «выбери», «страховка готова». Через час выбрались на гребень и увидели солнце. Воздух чуть оттаял и сильно пахло снегом. Внизу начал просыпаться ледник: гул потоков стал сильнее; забухали удары камней, которые, подтаяв, срывались с морены в бездонные трещины. Скалы стали сложнее, пришлось пустить в ход крючья. Пролезли два-три трудных, но коротких участка. Шли в хорошем темпе, повеселели.

Тин Тиныч с большим скрипом выпустил нас на маршрут, и от его успешного прохождения зависело многое из того, что было тогда для нас очень значительным...

Часа через полтора Лёнчик вдруг остановился и попытался почесать затылок через каску. Я по инерции боднул его снизу и посмотрел укоризненно.

– Ключ, – пояснил Лёнчик, почувствовав мой взгляд сквозь рюкзак.

Над нами распахнулся скальный «внутренний угол»: нечто вроде огромной каменной книги, полураскрытой и поставленной на обрез. Это был так называемый «ключ» – ключевой участок маршрута, наиболее сложный.

– И можно свернуть, обрыв обогнуть, – пробормотал Лёнчик и полез вправо. Я понял, что он хочет обойти ключевой участок по большому снежному кулуару, выходящему на предвершинный гребень.

¹⁰ Осыпь – скопление камней на склоне горы

Кулуар смотрелся нехорошо. Он был очень крутой, а в самой верхней его части на честном слове начспаса висел кубокилометр мокрого свинцового снега. Стоит с гребня сорваться камешку...

– Смоет, как ... в унитазе, – резюмировал Лёнчик.

Мы повернулись и пошли обратно под «ключ».

Вид «ключа» тоже особого энтузиазма не вызывал. Кому-то надо было идти первым, с нижней страховкой. Лёнчик молча стал развешивать на обвязке¹¹ снаряжение, необходимое для прохождения сложного скального участка.

– Пошел, – сказал он и начал подниматься по стене.

Я принял классическую позу страхующего и стал медленно выдавать веревку. Первые пять метров Лёнчик прошел уверенно. Было тихо. Только тонкий звон забиваемого крюка, щелчок карабина, шорох протягиваемой веревки. Дальше стена из отвесной стала «отрицательной»: скала нависала над головой. Согласно описания маршрута нужно было создать искусственную точку опоры: вбить крюк, повесить на него маленькую двухступенчатую лесенку, встать на неё и, болтаясь в воздухе, забить другой крюк выше нависания. Лёнчик замер и внимательно осмотрел скалу, пытаясь найти возможность обойтись без этой хлопотной процедуры. Чуть выше и правее в широкой трещине торчал швеллерный клин, оставленный кем-то из предшественников. Конечно, мы знали, что старые крючья использовать нельзя: со временем они ослабевают, но швеллер выглядел очень уж соблазнительно. Взяться за него, подтянуться, два-три точных движения – и нависание пройдено. Лёнчик колебался. Несколько раз он дотягивался до швеллера, трогал его. Вроде бы клин сидел прочно. Наконец Лёнчик решился – вставил в отверстие швеллера карабин, взялся за него и, плавно, без рывка нагружая, стал подниматься.

Швеллер вышел из трещины беззвучно и Лёнчик рухнул вниз. Сильный рывок верёвки бросил меня к стене. Крик, удар – Лёнчик повис на верхнем из забитых им крючьев и его маятником швырнуло на скалу. Плохо соображая, что к чему, я машинально вытравил веревку и Лёнчик повалился на площадку рядом со мной.

Внизу позванивали, ударяясь в полёте о скалы, швеллер с карабином.

Снаружи травм у Лёнчика не было, но сильно болел бок, могли быть внутренние повреждения. Надо было на что-то решаться. Можно было попытаться спуститься, однако спуск по скальному рельефу часто труднее, чем подъём; да и опаснее – большинство несчастных случаев происходит на спусках. Можно было продолжить подъём к вершине, до которой оставалось уже немного, и затем спуститься по несложному склону.

Всё это, конечно, понимал и Лёнчик. Он тяжело дышал, откинув голову, и молчал. Без движения мы стали мёрзнуть.

– Давай решать – сказал я. Мог бы и не говорить. Лёнчик медленно поднялся и с угрюмым видом стал приводить в порядок снаряжение.

– Дойче зольдатен ниht капитулирен – буркнул он через минуту – пойдём наверх.

Даром такие встряски не проходят. «Ключ» мы пролезли, как говорится, на нервах. Тряслись руки, ноги и что-то внутри. Отдышавшись, наладили страховку и стали принимать Лёнчика. Ему было больно двигаться; он стонал и изобретательно сквернословил за перегибом в адрес и этой горы, и начспаса, и неведомого нам изобретателя альпинизма.

Потом мы долго сидели молча. Высосали флягу с виноградным соком, подышали и пошли дальше. Выше «ключа» крутизна склона увеличилась, но скалы стали проще. Несколько снежных взлётов, немного несложных скал. Выбравшись за очередной перегиб, в двух шагах от себя я увидел пирамидку из камней – вершинный тур. С минуту я тупо смотрел на него;

¹¹ Обвязка – элемент страховочного снаряжения: пояс и беседка

потом, спотыкаясь, вернулся к краю площадки и посмотрел вниз. Лёнчик стоял на снежном склоне, навалившись на ледоруб, и угрюмо смотрел на меня снизу.

– Далеко ещё? – мрачно спросил он.

– Всё уже.

– Что «всё»?

– Вершина.

– Так чего ж ты молчишь?! – возмутился он и очень быстро полез вверх.

Я выбрал верёвку, и мы повалились на камни рядом с туром.

...Лёнчик рисовался. Перед самим собой, естественно. Зрителей тут нет и длани к небесам в упоении победой возносить не тянет – небеса как-то подозрительно близко: вокруг и местами даже внизу. Пора бы выходить на связь, но рация в пластиковом пакете лежит на рюкзаке, на лице Лёнчика полная безмятежность. Совсем обнаглел, закурил. Даже по сторонам не глядит. Это уже перебор – панораму района с вершины предписывается внимательно просматривать, чтобы сориентироваться для спуска на случай внезапного тумана; такое в горах бывает.

– Лёша, связь, – не выдержал я.

Выдохнул дым, глянул на часы.

– Ещё две минуты.

Затянулся ещё пару раз, вытащил рацию, медленно, по инструкции – колено за коленом – выдвинул антенну, щёлкнул тумблером.

– ...те-те-те находитесь – ворвался голос командира – тридцать первый, я поляна. Сатурн тридцать один, я поляна. Как у вас дела, сообщите, где находитесь. (Ничего не понимаю. Что это наш металлический Тин Тиныч расшумелся на весь Кавказ?) Сообщите, где-вы-на-ходитесь. Приём, приём.

Вон что, наконец сообразил я. Маршрут мы прошли довольно быстро, и по раскладу времени ещё должны были быть на гребне, который отлично просматривается с поляны в бинокль; вот Тин Тиныч и забеспокоился, даже на связь вылез на минуту раньше.

У меня заняло в животе от счастья.

Лёнчик медлит полсекунды. Можно ли медлить полсекунды? Секунду, наверное, можно. Но он явно медлит, наслаждается. Нажимает кнопку.

– Поляна, я тридцать первый. У нас всё в порядке, находимся на вершине, – и не выдержал, ещё раз – находимся на вершине. Как понял, приём.

– Тридцать первый, я поляна. Вас понял, находитесь на вершине, – сквозь треск помех мне почудилось, что командир усмехнулся – молодцы. Связь кончаю. Эс ка¹² до без четверти двенадцать. Внимательнее на спуске, не торопитесь. Не торопитесь на спуске. Конец связи. Конец связи.

– Вас понял. Не торопитесь на спуске. Конец связи. Конец связи...

¹² СК – связь кончаю (радио жаргон)

Алексей Луконенко на связи

После этого восхождения отношения с командиром наладились полностью.

Во втором сезоне в Безенги у нас было полностью грозненское отделение, командиром был Виктор Роговской, в отделении была его жена Таня Павлова.

На спуске с пика Мира мы попали под сильный снегопад.

На леднике мы неожиданно оказались внутри грозовой тучи. Ш-ш-с-с-с-аххх!!!... – вокруг со свистом хлестали горизонтальные молнии. Снег вперемешку с градом лупил снизу – воздух из ущелья выдавливало холодом на перевал. Гром грохотал непрерывно, как товарный поезд; приходилось орать в лицо, чтобы слышать друг друга. Видимость ноль: собственных ботинок не разглядеть в молоке тумана, верх и низ перемешались; мир пришёл в состояние до первого дня творения; не поверить, что эта планета – Земля. Зубы и ногти светились как у упырей от статического электричества...

Ледник после суток снегопада сиял коварной белизной. Покрытый снегом ледник называют «закрытым», подразумевая под этим термином то обстоятельство, что трещины на леднике спрятаны под снегом, в отличие от ледника открытого, когда лёд обнажён. Высота, гипоксия, нервное напряжение и усталость замедляют реакцию и скорость протекания мыслительных процессов; видимо, только этим и можно объяснить то, что на какой-то миг мы забыли хорошо известную сентенцию: закрытый ледник чист, как скатерть и опасен, как минное поле.

Взглянув вперёд, я увидел, что Саша Курочкин солдатиком, как в воду, уходит в снег. До рывка верёвки я рефлекторно успел, как говорят, «зарубиться» – упасть, вогнать клюв ледоруба в фирн, умудриться не напороться на острую лопатку ледоруба, пропустив её между ухом и плечом, и навалиться на ледоруб. Годы тренировок не прошли зря: ребята быстро наvertели в лёд крючья и закрепили верёвку. Нам в который раз повезло – трещина оказалась неглубокой, расширяющейся книзу. Обстановка была сюрреалистическая: сквозь туманную мглу, яростную метель и дикий вой ветра из недр ледника глухо, как из бочки, доносился жуткий мат.

– Я в чайнике!!! – кричал Саша: своды ледяного грота сужались над его головой.

Соорудив из репшнуров, карабинов и крючьев простейший полиспасть, мы довольно быстро выдернули его из трещины.

– Все живы, значит, всё в порядке, – отдышавшись, вспомнил Лёнчик фразу из Жюля Верна.

...Тин Тинич много лет спустя, уже после развала СССР, собрал однажды рюкзак (почему-то очень быстро, как будто опаздывал куда-то), поехал в Приэльбрусье, поднялся на Приют Одиннадцати, постелил спальник под камнем, снял ботинки, улёгся на спальник так, чтобы видеть Эльбрус – и умер.

Кто знает, что творилось в душе этого человека.

Запомнилось восхождение на пик Панорамный 17 августа 1978 года. Может, с него и видно какую-то панораму, но в тот день, когда мы шли по стене, погода обвалилась.

Надо пояснить, что «идти» на альпинистском жаргоне означает передвижение вообще, любым способом; это слово не обязательно означает ходьбу как таковую. Можно даже болтаться в воздухе на отрицательном уклоне, поднимаясь по верёвке на зажимах – жюмарах¹³; всё равно это называется «идти». Двигаться было непросто, но пока всё шло без приключений.

Где-то на середине стены нас накрыла непогода – внезапно и резко: туман, ветер, снег – всё сразу. Сперва мы надеялись, что это временное явление; но прошёл час, два – ветер и снегопад становились всё сильнее. Скалы залепило снегом, зацепок не видно, трещины для крючьев удавалось отыскать только после раскопок. На связи из лагеря нас с тревогой спрашивали – как дела; командир отряда кричал по рации: вы там хоть небо видите? у вас ледовые крючья есть? крючьев не жалеть! всё спишем!

Видимо, внизу погода была не лучше.

– Камень!!! – услышал я вопль сверху и рефлекторно выполнил единственно возможное в этом случае: прижался к скале.

В этой ситуации нельзя шараться от скалы – во-первых, чаще всего некуда, а во-вторых, таким образом гарантировано попадаешь под обстрел. Смотреть вверх – полное безумие: получишь камнем в разинутую пасть, такие случаи бывали. Наиболее эффективно мгновенно прижаться к скале: стена не бывает совсем гладкой, а малейшие выступы не дают камням лететь вплотную вдоль неё, отбивая их рикошетом; поэтому чаще всего имеется один-два дециметра непростреливаемого пространства и есть шанс уцелеть. При этом следует спрятать руки – даже удар по голове (на ней каска) может оказаться не так опасен, как травма рук – с повреждёнными руками человек на стене обречён, хотя всё остальное у него может быть в полном порядке: он не сможет спуститься, помочь себе или хотя бы вызвать спасателей по радио.

Камень чиркнул по каске сзади, удар пришелся по рюкзаку – в который раз опасность прошмыгнула в сантиметре возле затылка. Когда грохот камнепада отдалился, я осторожно глянул наверх и успел заметить, как за долю секунды ужас на лице Лёнчика сменился привычным иронично-уверенным выражением: стало ясно, что обошлось.

На занятиях наши инструктора часто повторяли: «надо чувствовать партнёра», стремясь упорными тренировками выработать в нас шестое чувство, при наличии которого верёвка, соединяющая тебя с напарником, превращается в нерв, объединяющий двух порой очень разных людей в единый организм – связку. Надо сказать, что в реальной обстановке, когда цена любой ошибки велика, это чувство вырабатывалось довольно быстро; порой возникало отчётливое ощущение передачи мыслей по верёвке: малейшие её шевеления совершенно ясно говорили о том, что делает твой напарник на другом конце, в сорока метрах от тебя (а это высота шестнадцатиэтажного дома).

¹³ Приспособление для подъёма и спуска по верёвке

Сейчас ситуация была настолько острой, что мы все находились в своеобразном состоянии транса, когда слова почти не нужны и общение идёт на телепатическом уровне; причём это состояние воспринималось нами как совершенно естественное. Прочитав в моём взгляде всё, что может сказать уцелевший после камнепада человек его виновнику, Лёнчик поднял вверх палец и назидательно изрёк: «надо чувствовать камень партнёра». Рефлексировать было некогда, и мы двинулись дальше.

В надвигающихся сумерках мы выбрались на перемышку между вершиной и скальной башней. Поскольку уже начинало темнеть, Женя Недюжев с Лёшей Луконенко стали налаживать ночлег на снегу, а мы с Сашей Курочкиным пошли по гребню наверх снимать записку. Опасаясь промахнуться в надвигающейся темноте и уйти на другой склон, я стал вспоминать описание маршрута: «по гребню северо-западного контрфорса обойти жандарм¹⁴ «верблюды». Это ясно, но вот как там в натуре выглядит этот самый жандарм, скорее всего и на верблюда-то не похож: любят составители описаний образные выражения, но уж два-то горба должны быть... Жандарм мы вскоре увидели: горбов не было, но на верблюда чем-то действительно был похож.

Воздух был настолько насыщен электричеством, что разряды били по всем выступающим формам рельефа. Мы шли, как под обстрелом: пригибаясь за камнями; почти ползли. Я попробовал высунуть голову из-за камня и тут же услышал звон с быстрым повышением тона: 3-3-3-3-зззз!!! – почувствовал, что сейчас получу в лоб разряд и быстро присел – звон прекратился. Больше высовываться из-за камня или привставать я не пытался. Добравшись на четвереньках до вершинного тура, раскидали камни – жестянка с запиской была вся в дырках с оплавленными краями: следы от молний. Забрали наполовину сожжённую записку предшественников, сунули в банку заранее написанную свою, и как могли быстро стали спускаться обратно на перемышку.

Ночью палатку периодически заваливало снегопадом, раза три мы выбирались её откапывать. С рассветом погода не улучшилась. Ждать было бессмысленно, поскольку снежно-лавинная обстановка ухудшалась с каждым часом. Мы решили рискнуть и пошли вниз.

Спуск по кулуару – заснеженному жёлобу – прошёл без особых происшествий; только пару раз на нас со склонов прыгали небольшие лавины; мы загоняли ледорубы глубоко в снег и, вцепившись в них, пережидали снежный обвал.

Мы шли по гребню морены к альплагерю. Лавины обрушивались в ущелье с обеих сторон чуть ли не ежеминутно: склоны сбрасывали непривычную снеговую нагрузку, но на возвышении морены мы были в безопасности. Всё позади, чувство победы переполняло нас. Хотя мы были уже много ниже линии снегов, снег лежал на всём: на склонах гор, на зарослях рододендронов, на наших плечах и рюкзаках.

На подходе к лагерю мы неожиданно увидели инструкторов, вышедших нас встретить. Такое внимание не в традициях Безенги: здесь принято слегка бравировать обыденностью происходящего – ну подумаешь, сходили на гору. Потом нам объяснили, что в этот день непогода накрыла весь Кавказ, лавины и сели натворили много бед; в соседнем ущелье в палатку к ночевавшей на перевале группе залетела шаровая молния и убила одного из восходителей. После того, как связь с нами оборвалась, увидеть нас уже и не чаяли.

Ощувив себя героями дня, мы небрежно-мужественной походкой прошествовали через лагерь к своему домику. «Июльские снега, не путай их с другими...» – звучало по лагерной трансляции. Вообще-то в альплагерях редко поют или слушают «горные» песни, а если таковые и звучат, то чаще в пародийном варианте; например, на мотив «Кавалергардов»: «...не доверяйте деве юной свою страховку на стене...». Но в этот раз лагерный радист, видимо, настолько

¹⁴ Скальный выступ на гребне горы, преграждающий путь

был впечатлён природным катаклизмом, что в тему врубил Визбора: «пылают в синеве июльские снега...».

Школа инструкторов. Незабываемая страница жизни – обучение в школе инструкторов альпинизма, которая в то время базировалась в альплагере Безенги.

Занятия по медицине проводил доктор Добронравов.

Доктор Добронравов успешно совмещал профессиональную деятельность (врач школы инструкторов альпинизма), хобби (альпинизм) и научную работу: готовил диссертацию по проблеме адаптации организма человека к экстремальным факторам высокогорья. Мы, курсанты школы, здоровые как лоси молодые парни и девушки (женщин было очень мало, что весьма повышало их привлекательность среди курсантов) были для него благодатным материалом. На первом занятии по медицинской подготовке доктор выдал каждому пакет адаптогенов (настойки заманихи, левзеи, элеутерококка; витамины, глюкозу, ещё какие-то пилюли) и подробную инструкцию по употреблению всей этой химии. Алкоголь в альплагере, само собой, не продавали; ближайший магазин – сорок километров по горной дороге, перепаханной селевыми потоками. Настойки были на спирту, и судьба их была решена в этот же вечер:

– Вам заманиху, сэр?

– Левзею, плизз...

Огромные таблетки глюкозы отлично пошли в качестве закуски. В течение всего курса обучения доктор через день замерял наши физиологические показатели; напоминал о необходимости строго блюсти схему употребления адаптогенов; строил графики и искренне радовался эффективности и диссертабельности разработанной им методики адаптации наших равнинных организмов к неадекватным факторам высокогорья. Мы, честно глядя в глаза, заверяли доктора Добронравова в своей полнейшей лояльности и послушно клали свои молодые тела на алтарь отечественной науки.

После доктора Добронравова пришел радист Волков – колоритная фигура, автор книги «Радиосвязь в горах».

*Школа инструкторов альпинизма в Безенги: отработка переправ через горные реки.
Шест держит М. Говоров*

На первом занятии по радиосвязи Волков решительно заявил, что самые лучшие радисты – женщины, по двум причинам: 1) максимум частотного спектра женского голоса лежит в стороне от максимума спектра эфирных помех; 2) что ещё важнее, женщины никогда не пытаются ковыряться в рации с целью посмотреть, что у неё внутри.

На снежные занятия мы вышли на вторую ступень ледопада, за Миссес-кош. На второй день занятий отработывали организацию бивака в снежных пещерах и хижинах – иглу. Пещеры и хижины мы сооружали азартно, примкнув к ледорубам лавинные лопатки: блистающая на фоне тёмно-синего неба Безенгийская стена, бурлящая от лёгкой гипоксии и стерильного воздуха кровь... Мир вокруг искрился и сверкал. Утомонившись, разожгли «Шмели» и устроились чаёвничать в творениях рук своих.

В хижину заглянул наш тренер Алекс. «Это имя такое – сказал он нам при знакомстве – привыкайте».

– Вылезайте, посмотрите – сказал Алекс – не пожалеете.

Мы нехотя выбрались наружу. Да. Зрелище того стоило.

Накануне в альплагере появились три милиционера из Нальчика. Причина появления – необходимость заблокировать ущелье в связи с предполагаемым переходом банды из Сванетии через один из перевалов на северную сторону хребта. Наивные были времена. Менты – коренастые плотные мужики – надменно ходили по лагерю в выданных им ярких пуховках, которые даже не всем тренерам школы доставались, сверкали многочисленными золотыми перстнями и небрежно клацали затворами автоматов. В проводники им выделили курсанта из Питера (город и в те времена так называли) Валеру.

Невообразимая процессия двигалась по краю ледника. Впереди небрежной походкой бодро шествовал Валера – тонкий и угловатый, как кузнечик; весь в ярком нейлоне, с интригующей надписью «MONTANA» поперёк живота, с треккинговыми палкам (что в те времена было редкостью) и высоким станковым рюкзаком, тоже какого-то ядовитого цвета. На каждом плече у него висело по автомату, третий болтался на шее. За приспущенной на пояс оранжевой страховочной обвязкой заткнуты три пистолета. За ним цепочкой, пристёгнутые к верёвке, с лицами бурлаков с картины Репина понуро брели выжатые как лимон менты. На верёвку Валера их нанизал, разумеется, исключительно из извращённого чувства юмора – куда денешься с тропы среди бела дня.

Снежные занятия под Безенгийской стеной. Строим снежную хижину излу

Увидев нас, Валера приветственно замахал палками и шуганул задумчиво бродивших по леднику альпийских галок тирольским гортанным воплем.

– Ты что, вступил в ассоциацию профессиональных гидов?! – заорали мы – клиентов водишь по горам?

– Йа, йа, – радостно куролесил Валера, грассируя и давясь гласными – Тироль, альпайн клуб!

Пока превратившихся в ледышки ментов отпаивали чаем в хижине, Валера достал из рюкзака сухой ярко-зелёный спортивный костюм и переоделся.

– Не виноватая я, – невинно хлопая ресницами, излагал он мемуары: вышли из лагеря, час прошли – слева из ущелья выдуло облачко с дождём, они и промокли. Ещё полчаса идём – из ущелья справа дунуло холодом, они обледенели. Дикае люди, совершенно не приспособлены к существованию в горах. Ну, я забрал у них железяки, на всякий случай нацепил их на верёвку, чтоб не потерялись...

Доктор Добронравов заявил, что неэтично иронизировать над обитателями равнин и пошёл вкалывать ментам свои адаптогены.

На рассвете нас разбудил дикий крик.

– Кто это? – вскинулся я со сна.

– Кто бы ни был, его уже нет, – проворчал Алекс, выбираясь из палатки.

Выяснилось, что кричал Валера, от возмущения. Ночью обиженные им вчера альпийские галки совершили набег на наш бивак: раскурочили штабель консервных банок, пробили их огромными стальными клювами и сожрали сгущёнку.

– Интересно, чем они здесь питаются, что у них дерьмо такое?! – тоскливо вопрошал Валера: лёд и камни вокруг были покрыты ярко-сиреневым помётом галок.

– Скончавшимися от истощения альпинистами, – буркнул Алекс, проходя мимо – надо было камнями банки завалить.

Ревизия показала, что урон нашим припасам был нанесён серьёзный.

– Читать эти твари научились, что ли, – страдал Валера – самые вкусные банки продырявили...

Вследствие ночного налёта галок рацион пришлось сократить, и со снежных занятий мы вернулись в лагерь, изрядно сбросив вес.

В Безенги было довольно много иностранцев; преобладали австрияки из Лиенца, профессиональные альпийские проводники. Кавказские горы им нравились; они иногда заходили к нам с путеводителями, с интересом вникали в нашу систему классификации маршрутов: «драй бэ», «фюр а». Общаться мы быстро научились на немыслимом русско-немецко-английском жаргоне и на почве обмена снаряжением. Иностранцы охотно меняли почти любое снаряжение на наш титан: крючья, карабины, кошки – тунгстен у них очень дорог. У нас он в то время официально вообще не продавался, но у всех у нас был: один из парадоксов «совка».

Одним из элементов школьной программы было учебно-тренировочное восхождение по маршруту самой низкой – первой категории сложности. Объектом восхождения стал возвышавшийся над альплагерем пик Брно или, как его тут называли, «куча брна». Большинство курсантов уже хаживали на «пятёрки», и необходимость «сходить на единичку¹⁵» поначалу стала поводом для состязания в остроумии. Вскоре, однако, выяснилось, что «сходить» будущие инструктора альпинизма должны не абы как, а методически правильно: тактически грамотно, с организацией надлежущей страховки и самостраховки¹⁶ на всех видах горного рельефа (благо все оные на «куче брна» имелись в изобилии), навешиванием веревочных перил и так далее – недаром восхождение называлось учебно-тренировочным. Осознав сей факт, мы слегка взгрустнули.

На подъёме тренеры зорко следили за пунктуальным соблюдением курсантами всех правил восхождений, фиксировали все совершаемые нами ошибки и выставляли соответствующие оценки. Попасться на ошибках не хотелось, т.к. от полученной в школе характеристики зависело число смен предстоящей после школы стажировки перед получением вожеленного инструкторского удостоверения; а лишней маяты в стажёрах не хотелось никому.

Нежными словами поминая тренерский состав школы, мы навечно засаживали в скалы огромные ледовые «морковки», извлечь которые потом можно было разве что динамитом; распахивали по расселинам многочисленные так называемые «закладухи»; закручивали в лёд бесчисленные трубчатые крючья; вязали разнообразные узлы (прямой, булинь, шкотовый, брамшкотовый, схватывающий...) и с серьёзным видом щёлкали жюмарами на перестёжках между перилами. Когда вся эта тягомотина закончилась, и мы оказались на вершине – радовались как дети. Ага, щас. На спуске неугомонные тренеры заставили нас чуть не полгоры обмотать верёвками. От досады я уже стал втихаря, пока тренеры не видят, отстёгиваться от перил – единичка-то она единичка, однако лететь донизу – ой-ёй-ёй; вдруг кто от скуки поскользнётся, сдёрнет ведь. В себе я был уверен. Наконец тренерам самим надоел этот цирк и на последнем спуске мы с радостными воплями глиссером с опорой на ледорубы вылетели на ледник и направились в родную школу – навстречу выпускным экзаменам.

На прощальном вечере мы обменивались контактами, обнявшись, пели: «а всё кончается, кончается, кончается...» – теперь уже почти настоящие (стажировку мы, конечно же, пройдем успешно!) инструктора альпинизма – подумать только! Впереди простирается огромная бесконечная жизнь; мир вокруг прекрасен и удивителен, и вокруг друзья и ослепительные вершины... Наверно, это и было счастье.

¹⁵ Единичка, двойка, тройка и т.д. – на альпинистском жаргоне маршруты соответственно 1-й, 2-й и т.д. категорий сложности

¹⁶ Страховка самого себя

– Альпинистами не рождаются, альпинистами умирают, – жизнерадостно напутствовал нас при расставании тренер – мы играем в мужскую игру. Через пять лет половины из вас не будет в живых: такова статистика.

Спустя годы выяснилось, что это был оптимистичный прогноз.

Уллутау. После окончания школы – стажировка в альплагере Уллутау (мне повезло – по случаю успешного прохождения занятий и сдачи экзаменов мне как отличнику дали всего одну смену стажировки); ну и, конечно же, инструкторская работа. Ах, Уллутау, Уллутау, волшебная страна... Самое радостное и самое горькое – Уллутау.

Подобно тому, как в обитающих вдали от цивилизации племенах сохраняются элементы чуть ли не кроманьонской культуры, в некоторых относительно изолированных (по крайней мере, в психологическом отношении) социумах сохраняются фольклорные традиции, давно забытые урбанизированным обществом. Одним из таких рудиментов в альплагерях нашей исчезнувшей страны был обряд посвящения в альпинисты; безусловно, позаимствованный из флотских традиций. Мне довелось эту процедуру прочувствовать в полной мере, поскольку в Уллутау я дослужился до командира отряда новичков. Происходило это действо примерно так.

После прохождения полного цикла предусмотренных программой занятий – теория, связь, медицина, снег, лёд, скалы, трава, осыпи, переправы, спасательные работы – отряд новичков отправлялся на зачётное восхождение по маршруту самой низкой, первой категории сложности. Это было не так просто, как может показаться. Как правило, «единичка» – достаточно протяжённый маршрут, на котором присутствуют все элементы горного рельефа, и его прохождение требует изрядного напряжения физических и душевных сил.

Встреча в Уллутау с В.М. Абалаковым. Грозненцы: М. Говоров, А. Луконенко, В. Логовской, Е. Недюжес, В. Смирнов

Дабы новички ощутили себя в центре внимания после восхождения, уже на подходе к лагерю на тропе их встречали плакаты различного содержания – в меру буйного юмора молодых здоровых людей.

Затем отряд гордых собою новичков выстраивался на плацу перед учебной частью лагеря. Командир отряда докладывал начальнику учебной части об итогах восхождения; на террасу перед учебной частью высыпала толпа улюлюкающих чертей в живописных одеяниях; выбегали обольстительные русалки; черти дружно выбирали через карабин закреплённую за козырёк крыши верёвку, и над строем новичков взмывал соответствующим образом наряженный Дух Гор, до той минуты прятавшийся за двухсотлитровой металлической бочкой с надписью огромными буквами: «шампанское» (наполненной, само собой, ледниковой водой); испускал зловещий рёв и стрелял из ракетницы. После этого его плавно опускали на подиум, со всеми подобающими почестями усаживали на трон, вручали громадный свиток с начертанной на нём клятвой новичков, и начинался собственно ритуал посвящения в альпинисты.

В финале по команде Духа Гор «открыть шампанское!» бочку опрокидывали, вода заливала плац, новички разбегались, но вооружённые ледорубами зоркие черти стогоняла их обратно для вручения значков «Альпинист СССР». Значок был очень красив – золотой ледоруб на фоне снежных вершин Эльбруса, золотые звёздочки просвечивают сквозь синюю эмаль над двуглавой вершиной.

Вечером того же дня в лагерьном конференц-зале происходил концерт, неизменными элементами которого были:

– хор инструкторов, исполнявший гимн лагеря: «не прощайте – до свиданья, Уллутау и Кавказ...»;

– танец маленьких лебедей под аккомпанемент тапёра, исполнявшийся, разумеется, кривоногими волосатыми мужиками в белоснежных пачках;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.